

Элина Савва

**Адам и Ева
постсоветского
периода**

Элина Савва

Адам и Ева

постсоветского периода

«Издательские решения»

2015

Савва Э.

Адам и Ева постсоветского периода / Э. Савва — «Издательские решения», 2015

Это было интересное и долгожданное время. Жизнь вокруг перевернулась. Люди начали искать новые идеалы, но сами оставались пока прежними. Поэтому во все, в том числе и в веру в Бога, невольно привносили то, от чего хотели избавиться. С теплотой, добрым юмором, не без личного опыта пишет автор о том времени и о тех людях.

© Савва Э., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Прогулка	6
Молитва о врагах	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Адам и Ева постсоветского периода

Элина Савва

© Элина Савва, 2015

© Элина Савва, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Прогулка

«...Женщина – как бомба с часовым механизмом: не знаешь, когда взорвется. Иногда таймер устанавливают обстоятельства, а мужчины, неосознанно, запускают его ход, себе на погибель...», – добрался до середины статьи Пётр Иванович и отложил газету. Часы показывали 19.30 – время ежевечерней прогулки.

– А что, Еленочка, – громко обратился он к жене, – не пойти ли нам прогуляться?

Ему послышался негромкий вздох, а после – вполне внятный ответ верной супружницы – Елены Андревны:

– Ну да, почему бы и нет?

Велик и могуч русский язык! В одном предложении можно утвердить отрицание и опровергнуть утверждение. Таки «Да» или всё-таки «Нет», но Пётр Иванович и Елена Андревна стали собираться на прогулку.

Эх, прошли те сладкие времена, когда Пётр Иванович был директором Дома Политпросвещения, ездил на служебной машине с водителем, пользовался уважением в городе и имел приличную зарплату. В вестибюле Политпросвета весь персонал подобострастно улыбался и каждого, кто «к Петру Ивановичу» или «ОТ Петра Ивановича» готовы были носить на руках.

В те беззаботные времена мог Пётр Иванович пригласить супружницу и в ресторан, и в театр, и у многочисленных друзей они были всегда желанными гостями, и у себя часто принимали. Елена Андревна любила нарядиться – похвастаться перед знакомыми новыми украшениями, или фирменным, невиданным в социалистических универмагах, платьем, или неслыханной доселе в советской провинции зарубежной техникой: бесшумно нажималась кнопка на дистанционке (надо же, и с дивана не нужно подниматься! – восклицали ошеломлённые знакомые), пасть видика заглатывала кассету и на экране мелькали кадры с чудовищными капиталистическими отношениями и чуждыми советской действительности явлениями: казино, секс, разбой. Знакомые наблюдали, с вытянувшимися от удивления лицами, вскрикивали от тревожного напряжения ужасиков, стыдливо улыбались на сценах любви, вернее, «занятий любовью» – именно тогда и появился данный термин, отдающий запахом спортзала; недоумённо пожимали плечами над пока ещё непонятным американским юмором, когда за кадром все ржут до изнеможения, а ты, до боли в глазах всматриваясь в экран, пытаешься понять – почему? Елена Андревна окидывала гостей доброжелательным взглядом удовлетворённой хозяйки, ненароком поправляя новые серьги, Пётр Иванович глядел на жену умиляясь и преисполняясь гордости.

Как-то незаметно капиталистические отношения и чуждые явления переползли с экрана в реальную жизнь.

Пётр Иванович по-прежнему ездил на работу, по-прежнему ему улыбались, разве только его политпросветовские владения потеснили приютившимся на первом этаже кафе, мотивируя: «И Вам покушать, и персоналу, да и арендная плата учреждению не помешает...» Но кушать там каждый день для Петра Ивановича с появившейся невесть откуда инфляцией – не иначе, как из враждебного забугорья – стало дорого, да и персонал не злоупотреблял кафе-терьевскими обедами: в кафе ошивались подозрительного вида суровые мужчины в кожаных, небрежно наброшенных куртках (даже не ошивались – не подходящий термин: они уверенно занимали места за столиком, словно для них одних места и были приготовлены, и подсесть в соседстве с ними как-то мало кто решался). Мужчины обладали колючими пронзительными взглядами – под их прицелом Пётр Иванович проходил со свернувшимся в маленький игольчатый клубочек сердцем.

Спустя некоторое время, к зданию Политпросвета прилепились, как ракушки в известняке, несколько киосков с пёстрыми витринами, полными американских сигарет и подозрительных напитков, в вестибюль пролез пункт печати кодаковских фотографий, а ещё позже

изменили вектор просветительской работы учреждения с политического в сторону культурно-массового: было решено сделать кинотеатр с новой зарубежной системой звука и бешеной ценой на билеты, отчего кино, не меня качества, сразу стало элитарным – для узкого круга избранных.

Пётр Иванович походил ещё немного на работу со вжатой в плечи головой, потом его тепло и торжественно, правда, несколько торопливо, проводили на заслуженный отдых.

А отдыхать Пётр Иванович не умел. Он тяжело и неуклюже пытался помогать жене на даче – в основном, чтением газеты в тенёчке, в кресле-качалке, а осенне-зимними вечерами делать было совершенно нечего. Исчезла машина с водителем, престижная должность и приличная зарплата – вместе с ними куда-то пропала большая часть друзей. Стали редкими походы в театр, а о ресторанах с экзотическими блюдами остались только смутные воспоминания. Тоскуя, Пётр Иванович предлагал жене пройтись. Елена Андревна совершенно не могла понять удовольствия от вечерних прогулок по тёмным подозрительным улицам, но, кроме Нового Года, дачи и дней рождений, это стало их единственным развлечением.

Где-то, в глубине души, хранилось отдалённое воспоминание о колючих настороженных взглядах суровых парней, но, назло сумрачной капиталистической действительности, Пётр Иванович сохранял традицию ежевечерних семейных прогулок.

Елена Андревна их прелести понять не могла, однако послушно просовывала руки в рукава пальто с меховым воротником, бережно поданное мужем.

В 5–6 часов вечера тротуары были заполнены людьми, торопившимися с работы домой, забегавших по дороге в магазины – они смотрели сосредоточенно себе под ноги, словно надеялись найти упавшие баксы, толкались плечами в бесконечном броуновском движении толпы и исчезали часам к семи вечера. А в 20.00 город выглядел так, словно в нём никто и не жил-то никогда, и только наши Адам и Ева постсоветского периода, взявшись трогательно под руки, прохаживались не спеша по безлюдной улице, освещённой нервными неоновыми вспышками реклам и магазинных вывесок.

Они остановились перед погасшей витриной.

– Гляди-ка, – обращалась к супругу Елена Андревна, – нет уж продуктового, закрыли – озабоченно озиралась она по сторонам, – А что ж вместо него будет?

– Как что? Бытовая техника, должно быть, – рассуждал Пётр Иванович.

– Рядом с домом! Петенька, может, возьмём что-нибудь в кредит? Мне так хочется огромный телевизор – чтоб во всю стену! Ивановых позовём – то-то удивятся! И повод будет – ведь сто лет уже не виделись! – воодушевлялась Елена Андревна.

– Еленочка, ну зачем тебе такой большой телевизор? У тебя глазки будут болеть! – остужал супругу Пётр Иванович. – Да и в газетах писали: такие экраны плохо влияют на здоровье!

– Зачем же их продают?

– Деньги собирают. Прельщают людей внешним видом, а на здоровье народа им наплевать!

Елена Андревна огорчённо поджала губки.

– Ну, а кондиционер? Он, ведь, для здоровья не вреден? Очень даже полезен! Лета какие жаркие!

– Еленочка, летом мы на даче. И вентиляторы есть.

– Ну, может, мобильный?

– Ну что ты! Ну и кому ты будешь звонить? Мы ведь и так всё время вместе, не расстаёмся.

– Иванов тебе подарил, – надула губки Елена Андревна.

– Так это ж, когда было! И, потом, я его об этом не просил. Хочешь, попрошу, чтоб и тебе подарил? – усмехнулся Пётр Иванович, поправляя соскользнувшую с его руки ладошку жены. – Да и не нужен он мне.

– Что ж ты его всегда с собой берёшь? – съехидничала Елена Андревна и её ладошка снова пропала с руки Петра Ивановича. Он настойчиво вернул её на место.

Супруги проходили мимо ювелирного. Мягко освещалась галлогеновыми лампочками вращающаяся витрина, кольца, браслетики, серёжки подмигивали, дразня, золотыми бочками Елене Андревне.

– У меня так давно не было новых украшений! – воскликнула она.

Пётр Иванович только вздохнул.

Проходя мимо бутика с женской одеждой, коротко и горестно вздохнула Елена Андревна, едва заметным кивком головы здороваясь с вечерними платьями, выставленными в витрине, и тут же с ними прощаясь, навсегда.

– Ой, банк! Петя, здесь был банк, помнишь? Что он – лопнул? Надо же, был банк – теперь казино, – вздохнула Елена Андревна.

– Да тебе-то, что? – буркнул Пётр Иванович, – нам всё равно класть туда нечего, – проворчал он недовольно, уводя Елену Андревну подальше от стайки поростков, нахохлившихся возле игральных автоматов.

Вскоре они уже подходили к родному дому, нырнули под тёмную арку – и тут Пётр Иванович услышал то, чего всегда втайне побаивался, выходя с женой на прогулки – дыхание с перегаром в затылок и хриплый в спину вопрос: «Закурить не найдётся?»

У Петра Ивановича под шапкой зашевелились оставшиеся лавровым венчиком вокруг полированной полянки лысины волосы, предательски задрожал подбородок, чуть съехали вниз очки с вспотевшей переносицы, но он, полуобернувшись, осмелился предположить: «Не курю...»

«Да кого ты тормознул? С них же взять нечего!» – прохрипел сдавленным полушёпотом другой голос.

Желающий закурить зыркнул сухим колючим взглядом оценивающе по супругам из-под чёрной шерстяной шапочки, повернулся, собираясь уйти прочь. Пётр Иванович набрал в грудь воздуха, чтобы облегчённо вздохнуть...

И тут, неожиданно для всех, в заиндедевшую тишину тёмного двора пролезла, как змия, необдуманная горячая женская фраза:

– Как это – нечего?

Всё естество Елены Андревны – не последней женщины в советском светском провинциальном обществе – всколыхнулось.

– Что мы с тобой – нищие какие? – приподняла она голову, и гордо и дерзко взглянула в глаза супругу.

У вмиг побледневшего и похолодевшего Петра Ивановича очки поползли снова вверх.

– А кулон, который ты мне подарил на юбилей? Я его никогда не снимаю!

Два тёмных удалявшихся силуэта приостановились.

– А мобильник – подарок Иванова?

Двое обернулись. Подбородок Петра Ивановича мелко-мелко затрясся, очки поехали вниз, к кончику побагровевшего носа.

– А мой меховой воротник? А твоя шапка? Хоть и не новые – но вполне приличные! Даже молю нигде не побитые!

Шапка Петра Ивановича сползла на затылок, обнажая розовый ободок лысины.

Две подозрительные личности стали приближаться. Елену Андревну несло в блаженном экстазе хвастовства.

– А мои сапожки – итальянские! Каблучки – ни разу не стёртые! – она задорно топнула ножкой. – А кожа, кожа, какая мягкая, как шёлк! – Елена Андревна, грузно подсакивая, стянула сапожок с узким голенищем и мяла его податливую кожу. Двое переглянулись...

«Уж сколько говорено о женской логике, сколько обсмеяно её невинных проявлений! И никто не отнесётся к женщинам с сочувствием: ведь, не виноваты они, что устроены иначе, что главная черта женского мышления – спонтанность, что они гораздо эмоциональнее мужчин. И это хорошо, и мужчинам это приятно. Кому понравится женщина, закованная в доспехи деловой сосредоточенности? Никому. Мужчинам нравятся их улыбки, хохот, щебет. Но у каждой медали – две стороны. Другая, не самая приятная сторона эмоциональности – импульсивность, непредсказуемость, непосредственность на грани безумия. Женщина, зачастую, сама не знает, что она произнесёт, и какие могут быть от её слов последствия...» – все эти фразы пронеслись мгновенно в голове Петра Иваныча скоростным клубящимся потоком, наезжая и опрокидывая друг друга. И припоздалым вагончиком простучала колёсами последняя: «Женщина – как бомба с часовым механизмом... бомба с часовым механизмом... бомба...»

– Не холодно тебе, Еленочка? – первое, что спросил Пётр Иваныч, очнувшись, глядя на вязаные носочки жены.

Елена Андревна стояла без обуви на первом лёгком ноябрьском снегу, всхлипывала, размазывая чёрные ручейки туши по напудренным щекам. Вместо мехового воротника сиротливо торчали обрывки ниток.

Пётр Иваныч подал руку жене, и они вошли в подъезд.

На следующий день супруги Кипятковы подали заявление в милицию: мол, подверглись разбойному нападению с применением гипноза.

Кто-то скажет: дура, баба! – и будет коренным образом не прав. Не виновата Елена Андревна – ни капельки! Ведь она – всего лишь женщина, существо, построенное на чувствах – спонтанное и эмоциональное...

И Пётр Иваныч это отлично понимал.

В 19.15 следующего дня супруги Кипятковы отпили вечерний чай. С пряниками.

Между 19.25 и 19.30 в доме Кипятковых повисла неловкая пауза – где-то в самом верху, возле люстры. Пётр Иваныч делал вид, что читает газету. Елена Андревна с тревогой наблюдала за часовой стрелкой – словно та отсчитывала её последние минуты: вот она переползла вперёд ещё на одну чёрточку, вот ещё, а секундная бежит с такой невыносимой скоростью! И тикают часы так гулко-гулко, словно в комнате совсем нет ни мебели, ни ковров, и все давно оттуда съехали, и всё покрыто пушистой грязной пылью, и только на весь пустой остывший дом: тик-так, тик-так... через всю голову, от виска к виску, как набатный колокол: ТИК-ТАК!!!

В 19.30 Пётр Иваныч молча встал, оделся и выжидательно посмотрел на супругу.

– Петенька! – умоляюще прошептала Елена Андревна с полными слёз глазами.

– Елена Андревна, я Вас приглашаю на прогулку! – твёрдо, с нажимом произнёс Пётр Иваныч и бережно подал супруге пальто – без мехового воротника.

Молитва о врагах

Пронеслось вихрем советское время, отстучало тачанками красной конницы, отшумело лихими, с заломленными кепками комсомольцами, освобождающими народ от опиума для него – религии; унеслось вместе с партийными работниками – надутыми индюками в костюмах, вталкивающими в головы масс мыльный пузырь идеологии. Протанцевали 70 лет исторической дробью на мировой сцене и стихли в омуте 90-х, забрав с собой детскую, непосредственную, греющую в суровые будни среднестатистической интеллигентской зарплаты веру в светлое будущее, дав взамен капиталистическую реальность в ощущения – сразу, мощным кулаком, по всем шести чувствам, оставив душу нищей, нагой, голодной на холодном ветру безверия.

А душа... «А душа ведь, по природе – христианка!» – назидательно говаривала соседка Елене Андреевне, многозначительно оглядываясь по сторонам, как резидент на задании, словно не Тертуллиан впервые высказал эту мысль во втором веке нашей эры, а вот именно она и именно сейчас. И чтобы никто не повторил и не присвоил! Только аккуратные ушки Елены Андреевны достойны услышать данное соседкино открытие. Елена Андреевна уважительно смотрела в глаза проповедницы, готовая нести возложенное на неё доверие.

Соседка продолжала:

– Ты ведь крещёная?

Елена Андреевна согласно кивнула.

– А в церковь-то не ходишь?

Елена Андреевна виновато пожала плечами:

– Я не понимаю, зачем...

Соседка зашипела:

– Как это – зачем? А душу спасти? А здоровье не потерять? А чтоб сглазу на тебе не было?

– Душу спасти – от чего? – спросила Елена Андреевна.

Но соседка её не услышала:

– Ведь нонича от сглазу нецерковному люду – смерть! – выкатила она глаза.

Елена Андреевна отшатнулась:

– Да ну?

– Ой, чё делают! Чё тока ни делают! – запричитала старуха, и дальше в беленькие с пухленькими мочками, увенчанные гранатовой серёжкой в золотом обрамлении ушки Елены Андреевны понеслась вереницей всякая чушь о гадких тещах и свекровях, подкладывающих непонятные предметы под обои молодым семьям, за здоровье которых недавно пили на свадьбе (не иначе как жестоко притворяясь!); о плавающем ногте взрослого человека в младенческой ванночке для купания, о изведённых приворотным зельем мужиках, безнадежно влюбившихся в соседок-молодух; о неизлечимых болезнях, нападающих неожиданно и бесповоротно, как разбойники из-за угла; о рассыпанной на пороге «запечатанной» земле, мелких грязных тряпочках на дачном участке, заговоренных подарках и прочая, прочая, прочая...

Рассказы слегка напоминали страшилки, которые девчонки рассказывают друг другу перед сном в пионерлагере, но Елена Андреевна перебивать не решалась.

– И знаешь, что от этого спасает?

Елена Андреевна покачала отрицательно головой.

– Крест Господень, – патетически воскликнула соседка, указывая перстом в небо. – Вот почему нужно носить его, не сымая. Всегда. А на тебе-то, небось, и нету?

Елена Андреевна виновато приподняла брови.

– Вот, давай, сходим с тобой в воскресенье в церковь, крестик купишь, я расскажу тебе куда, чего, зачем – хватит нехристом ходить, грех это.

Елену Андревну давно посещала мысль сходить на службу, но как-то не решалась она. Наблюдая в окно радужную картину, когда на Пасху множество народу, в том числе и бывших партийных работников, комсомольцев и постаревших пионеров, с плетёными корзинками, полными испечённых, украшенных пасхальными атрибутами куличей и разноцветных, с затейливыми узорами крашенок, спешит в гремящий праздничным колокольным звоном храм, она обращалась к супругу:

– Петенька, может и мы сходим?

– Зачем? – непривычно угрюмо отзывался Петенька.

– Ну... Все идут... И Ивановы тоже.

– Еленочка, ты помнишь, как мы СО ВСЕМИ на демонстрации ходили?

– Ну, да. Весело было. Все в приподнятом настроении, потом за стол, всей семьёй...

– А зачем? Смысл в них был – какой? Канули в лету весёлые демонстрации, значит, не было в них смысла. Так вот, – продолжал Пётр Иваныч с непривычным, властным нажимом в голосе и растущим раздражением, – я теперь, пока смысла не узнаю, никуда не пойду! – грозный отблеск стёкол очков в попавшемся солнечном луче подтверждал всю серьёзность слов Петра Иваныча.

Елена Андревна молчала, а потом пыталась слабо возражать:

– А как же ты смысл узнаешь, если в церковь ходить не будешь?

Пётр Иваныч бормотал что-то невнятное:

– Узнаю... как-нить... если захочу... – и закрывался от жены газетой.

Елена Андревна отворачивалась к окну, провожала тоскливым взглядом праздничную толпу, но сама пойти не решалась.

В воскресенье Елена Андревна сильно волновалась, долго собиралась, подбирая подходящую одежду: это, пожалуй, будет слишком ярко, это – коротко, в брюках – нельзя. Духи? Можно ли наносить духи? А макияж? Как же на улицу совсем без макияжу? Всё равно, что голой – засмеют! И Елена Андревна мигом представила, как она идёт по улице, низко наклонив голову и пряча глаза в асфальт, чтоб никто не заметил, что она без макияжу, а прохожие всё равно тыкают пальцем, скалят зубы, нагло заглядывают в лицо и ржут, переговариваясь между собой: «Глядите! Глядите! Без макияжу! Чай, не Дженнифер Лопес, а даже глаз не подкрасила!» И снова ржут.

«Пожалуй, глаза немного подведу!» – решила Елена Андревна нанося на веки карандашные чёрные стрелки, – «И чуть-чуть туши!» Пальцы привычным быстрым движением отворачивали крышечку брасматика.

«А губы?» И снова внутреннему взору Елены Андревны представилась ржущая толпа, указующая перстами в её бледные, ненакрашенные губы.

Из богатой палитры ящичка трюмо она выбрала самый блеклый, нейтральный, не вызывающий цвет и подмахнула легонько помадой губы.

«Платок!» – в самый последний момент, когда она уже заносила ножку над домашним порогом прострелило молнией её голову.

Из-за долгих сборов Елена Андревна основательно припозднилась, отчего и получила от соседки нагоняй, вместо приветствия:

– Ты чего? Служба давно началась! И что ты намазюкалась, как на танцы? Чай, не девица! Давай, давай вытирай всё!

Елена Андревна достала белоснежный носовой платок, быстро и нервно протёрла губы, отчего ткань покрылась болезненными розоватыми пятнами.

На пороге храма Елена Андревна опять совершила кучу ошибок, о чём немедленно была уведомена:

– Три раза надо креститься, три, а не один. Перекрестилась – поклон. Да пониже, пониже! Свечи наша героиня ставила тоже неправильно:

– Куда ты – левой? Окстись! Правой! Только правой!

– Каблуками не стучите, женщина! – сказал ей кто-то сбоку, когда она переходила от одного подсвечника к другому.

– Что ж мне, летать? – огорчённо подумала Елена Андревна тут же обрывая себя на неподобающих мыслях.

– Эй, эй, нам налево, – потянула её за рукав соседка. – Направо – там только мужчины стоят.

– Но здесь тесно!

– Женшчына в церкви да молчит! – прошипела старуха и молитвенно опустила голову. Через секунду, не сдержавшись, добавила:

– Да и юбку тебе надо подлиннее – чай, не молодлица.

Елена Андревна скорбно поджала губки. В старухи она себя не записывала, старательно накладывая всё богатство сельскохозяйственной продукции в качестве масок себе на лицо, да и юбка была померной длины. Даже слишком – до середины икры.

– Неужели это главное? – спросила она.

– В церкви мелочей не бывает! – отрезала старуха.

Елена Андревна, ещё более подобравшись, старалась вникнуть в смысл службы. Но по этому поводу у её проводницы комментариев не находилось. Только раз старуха, неожиданно и сильно потянув её за подол, приказала: «На колени! На колени!» и сама сложилась вчетверо в молитвенном экстазе. Елене Андревне с трудом удалось непривычное движение на людях. Густо покраснев от застенчивости, стыда и приложенного физического усилия, она шёпотом спросила: «Почему?» Молитвенница, слегка повернув склонённую голову и приоткрыв корявый глаз прошипела: «Тихо!». «Так нада!» – промолвила она, прикрыв веки важно и утомлённо, словно архиерей. Елена Андревна чувствовала себя страшно неловко и с облегчением вздохнула, когда можно было встать.

Наконец, на амвон вышел молодой батюшка со светлым приятным лицом. Слушая проповедь, все потянулись ближе к нему. Среди всей службы, это был самый понятный для Елены Андревны момент. Но священник говорил совершенно непривычные для её слуха вещи: о прощении врагов и молитве за них. Елена Андревна позабыла о своей спутнице, о том, правильно ли она стала и как выглядит в глазах других. Она внимательно ловила каждое слово, пытаясь вникнуть в смысл.

– Нет ничего благодатнее молитвы о врагах, ибо они – лучшие учителя наши. Они учат нас смирению, терпению и величайшему дару христианина – умению прощать. Обида разъедает только вашу душу, делая её готовой ко греху. Не поминайте зло, не воздавайте тем же – а, наоборот, искренне пожелайте вашим обидчикам всех благ земных и небесных, помолитесь об их исправлении, о спасении их душ – и вы почувствуете, как преобразится ваш внутренний мир. Апостол Павел готов был пожертвовать не просто своей жизнью, а более ценным – своей бессмертной душой ради преследовавших его.

Не попрощавшись с соседкой и не исполнив всех дальнейших предписаний внешнего благочестия, Елена Андревна в глубокой задумчивости вышла из храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.